

Живет в Усть-Каменогорске (Казахстан).

25 кадр

Тучи смяли неба простыню,
Солнце угодило в западню.
В садике, за столиком у сливы,
Двое говорили ни о чём,
Пили чай с топлёным молоком -
Даже ложки звякали счастливо.

А за ними, шторку приоткрыв,

Наблюдала женщина, забыв
На плите давно кипящий чайник,
Старость, постучавшуюся в дверь,
Слёзы от случившихся потерь -
Растворилась в радости случайной.

Ветер, облетая дерева,
Лист пожухлый с яблони сорвал,
Приподнял повыше, близоруко
Посмотрел, присвистнул и вздохнул,
Бережно отнёс его на стул -
Будто дань отдал былым заслугам.

А в траве на гладь и тишину
Шмель-трудяга натянул струну,
И самозабвенное жужжанье
Заплеталось в пение цикад,
В робкий незрелый виноград,
В осени начальное дыханье.

Сентиментальное

Вымысел, а всё-таки цепляет:
Спрячешь книгу, убежишь во двор.
Воробьёв испуганная стая,
Чикчирича, сядет на забор.

Постоишь, закуришь сигарету,
Ветром вытрешь мокрые глаза.
Мимо прожужжит, прощаясь с летом,
Полосато-жёлтая оса.

И такая грусть тебя накроет -
Вот они, и вечность, и покой -
Никакая выдумка не стоит
Голубого неба над тобой.

Всё, говорит, - вода...

Всё, говорит, - вода, говорит - ветра
Воздух густой такой, что не лезет в горло.
Море, земля, трава... Говорит – трава.
Горько, пустынно, страшно и снова горько.
Сядет за стол, и слов не найдёшь к нему,
Будто клубок гремучий стихийных бедствий.
Буду я жить, проживать, говорит, в доме.

Буду я петь, напевать тебе на ночь песни.
Взгляд его страшен, света в нём нет. Ни зги...
Падаю в омут тёмного царства страсти.
Я умираю, наверное, помоги
Господи!...
Он отвечает – Здравствуй!

[Страница автора в Сети](#)